

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Б. В. Межуев

«Многополярный момент»
и проблемы общественного
консенсуса в России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/2001_1_Mezhuev.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

“Многополярный момент” и проблемы общественного консенсуса в России

Б.В. Межуев

Участники нашей открытой дискуссии в целом разделяют убеждение, что общество в современной России неспособно сформулировать свой интерес, который мог бы учитываться властными структурами при формировании государственной политики. Иначе говоря, по мнению ряда моих собеседников, у России фактически нет национального интереса, поскольку отсутствует детерминация (или даже коррекция) политики государства “объективными” потребностями общества. Результаты выборов 1999 г. являются дополнительным свидетельством в пользу тезиса о всеилии исполнительной власти в России, о ее самодостаточности и независимости от общества, составляющих его групп интересов и представляющих эти группы политических партий.

Однако все это, на мой взгляд, справедливо только отчасти. В российском обществе действительно не сложились те группы интересов, которые могли бы реально влиять на исполнительную власть посредством своих агентов во власти законодательной или с помощью органов общественной инициативы вроде профсоюзов, ассоциаций потребителей и т.д. Поэтому я не вполне согласен с мнением С.Баранова, что национальный интерес — в том смысле, в каком он представляет собой нечто отличное от интереса государственного, — в настоящее время есть некая совокупность разрозненных групповых интересов. Последние в нашей стране не складываются в национальный интерес, что подтверждается хотя бы отчетливым стремлением избирательных объединений, организованных по профессиональному, корпоративному, региональному и иному групповому принципу, объединиться на декабрьских выборах 1999 г. либо с гипотетической партией власти, либо с какой-нибудь из так наз. партий идеологических. Однако мне представляется, что у общества все же есть некий собственный, автономный от власти ресурс, позволяющий оказывать влияние на власть и таким образом формировать нечто подобное национальному интересу.

Этот ресурс — идеологический или, как сказали бы старые славянофилы, “сила мнения народного”, т.е. суждения о наивысших ценностях и всеобщем благе. Устойчивую поддержку на парламентских выборах у нас получают пар-

тии с выраженной идеологической установкой — КПРФ и отчасти “Яблоко”. Это — единственные партии, которые занимают свое место в нижней палате парламента не по причине использования материальных, информационных, административных ресурсов исполнительной власти, а в силу поддержки их избирателями определенной системы ценностей.

Итак, гражданское общество в какой-то специфической форме в России существует. Другое дело, что оно, будучи расколото по идейным основаниям, в очень редких случаях способно выработать свой консолидированный интерес, выдвинув его в качестве общенационального. И по той же причине обществу — в его независимой от власти ипостаси — в целом трудно выражать себя в экономическом по своей природе дискурсе “интереса”. Поэтому, кстати, само обращение к такому “дискурсу” нужно приветствовать, ибо оно предполагает отход от идеологизированных крайностей и стремление — пусть в зачаточной форме — к рационализации своей позиции, к компромиссу и согласию, к выработке того консенсусного интереса, который можно было бы считать за национальный.

Исследования, проведенные нашим журналом в 1995 — 1997 гг. и обобщенные в моей статье в № 1 за 1997 г. (см.: 1), показали, что первые шаги к такому консенсусу политическое сообщество России уже сделало: так, при всех идейных расхождениях, в своем видении “национального интереса” сходились такие антиподы, как Г.А.Зюганов и А.В.Козырев. Каждый из них в 1994 — 1995 гг. отстаивал прагматическую трактовку “интереса” России, по которой она должна оставаться “самостоятельным субъектом мировой политики”, “государством, не стремящимся к мировой гегемонии, но и не желающим гегемонии какой-то одной, с культурно-цивилизационной точки зрения, возможно, и предпочтительной силы” (1, с.19). Иначе говоря, каждый из этих политиков фактически признавал необходимым сохранение глобального баланса сил на планете, отстаивая тот принцип, который начиная примерно с 1994 г. (2) и более четко в эпоху Е.Примакова, стал определяющим для нашей внешнеполитической доктрины, — принцип многополярности.

Я сейчас не хочу останавливаться на внешнеполитических аспектах этой доктрины, на ее преимуществах и недостатках. Меня интересует только то, какую роль данный принцип мог сыграть в формировании национального интереса России. Несомненно, что ориентация на многополярность помогла смягчить идеологический раскол внутри российского общества, не позволивший ему сформулировать консолидированный интерес страны во внешнем мире. Существенным, если не важнейшим, аспектом такого раскола, как известно, является отношение России к Западу; оно было непростым всегда, но приобрело особую болезненность после очередного — и самого катастрофического для имперской государственности — витка российской вестернизации. Вскоре после распада Советского Союза стало понятно, что по своим культурным, экономическим, геополитическим, психологическим, наконец, параметрам Россия в западный мир полностью не вписывается, что ее интеграция в Европу или в целом присоединение к Западу потребует не только полномасштабной социокультурной трансформации, но и значительного сужения сферы государственных интересов страны, вплоть до возможной потери экономического суверенитета. Некоторый выход из “раздвоенности” державных традиций России и желания значительной — и наиболее активной — части ее населения принадлежать к мировому цивилизованному сообществу мог бы быть найден в ситуации неоднородности этого сообщества, отсутствия в нем политического единства. В таком случае Россия, балансируя между различными центрами силы, заняла бы приемлемое для себя место в консорциуме великих держав, не оставаясь, по выражению З.Бжезинского, в “коалиции бедняков” (3), но при этом не жертвуя ни разумно понимаемыми оборонными интересами, ни достижениями экономической реформы.

За период с 1994 по 1998 г. были сформулированы две принципиально разных трактовки многополярности, точнее, два взгляда на то место, которое должна занимать Россия в таком образом организованном мире. Согласно одной из них, Россию следовало считать отдельной цивилизацией или центром силы, удаленным от других центров, но готовым входить с каждым из них в прагматические союзы. К подобной версии “многополярности” тяготели многие эксперты, а на страницах нашего журна-

ла подобную точку зрения защищал теоретик “балансирующей равноудаленности” К.Э.Сорокин (4). Соответствующую такому видению геополитического положения России принципиально “государственническую” интерпретацию национального интереса я назвал в уже упомянутой статье 1997 г. “национал-консервативной”. Там же я определил как “национал-либеральную” ту трактовку “национального интереса”, согласно которой приоритетными были бы интересы (в первую очередь экономические) нарождающегося в России гражданского общества. Национал-либералы, чаще всего соглашаясь с консерваторами относительно преимуществ многополярно структурированного человечества, как правило, не были склонны считать Россию одним из полюсов современного мира, делая упор на ее экономической слабости и культурно-цивилизационной несамодостаточности. Примерно с 1997 г. в нашей печати все чаще стало высказываться мнение, что стратегия России должна заключаться в интеграции в “европейский мир” при желательном освобождении Европы из-под навязчивой опеки США. Те же теоретики полагали, что Россия не в состоянии “с опорой на собственные силы” и без материальной и духовной поддержки Европы обеспечить свои разнообразные национальные интересы (от духовного возрождения до освоения сибирских пространств)*. Уже с 1991 — 1992 гг. подобный антиамериканский европеизм исповедовали сотрудники журнала “Элементы”, стремившиеся к альянсу русских национал-патриотов с европейскими новыми правыми. Однако центристская версия такого же европеизма, распро-

* “Россия устала играть в сверхдержаву, — пишет, к примеру, Максимычев. — Как государство и как нация она нуждается в форсированной общеевропейской интеграции по всем направлениям и на всех уровнях. Впервые представленный европейской историей шанс создать единую Большую Европу не будет сорван из-за России” (5, с.66). Интересно, что в 1995 г., когда политическое сообщество России начало “привыкать” к факту ее геополитической изоляции, расширение НАТО рассматривалось как угроза в силу “продвижения очень мощной военной силы к нашим очень слабым границам” (6). В 1997 г. движение НАТО на Восток стало восприниматься принципиально иначе, а именно как “проект <...>”, буквально выталкивающий Россию из объединяющейся Европы” (5, с.49). В первом случае НАТО разрушает барьеры, отделяющие Россию от Европы, во втором — сама становится такого рода барьером.

странившаяся в общественном сознании после 1996 г. и нашедшая выражение в работах А.Г.Арбатова, И.Ф.Максимычева, А.И.Уткина и других ведущих ученых-международников, конечно, не включала в свою программу отказ от демократического наследия Европы как одного из следствий губительного атлантического влияния.

Национальный интерес России, на мой взгляд, мог бы быть сформулирован при продолжении конструктивного, хотя и конкурентного, взаимодействия между указанными группами национал-консерваторов и национал-либералов. Некоторые политологи соглашались с такого рода предположениями, фактически воспроизводя тезис “Полиса” о том, что “вполне уважаемые и далекие от радикальных умыслов национал-либерализм и национал-консерватизм станут влиятельнейшими течениями в российской общественной мысли” (7). Действительно, сколь острым ни был бы конфликт различных сил в России по поводу ее внутривнутриполитических перспектив или экономической стратегии, внешняя политика страны с 1996 по 1998 гг. почти не подвергалась серьезной критике со стороны общества. Заряд идеологической нейтральности, свойственный концепции многополярности, позволил конвертировать намечавшееся согласие по международным вопросам в консенсус внутривнутриполитический, когда после острейшего экономического кризиса лидер дипломатического ведомства был назначен главой правительства. Вместе с тем уже с 1997 г. стали вступать в действие факторы, если не полностью перечеркивавшие все расчеты теоретиков и практиков российской внешней политики на мягкое расслоение Запада, то требовавшие очень серьезной их корректировки. Финансовый кризис в Юго-Восточной Азии 1998 г., заставивший задуматься об экономической независимости Тихоокеанского региона; затем августовский “дефолт” 1998 г. в России и вставшая предельно остро проблема долга странам Запада; события в Косово, которые продемонстрировали со всей наглядностью нежелание или неспособность Европы к самостоятельному разрешению своих региональных проблем; наконец, фронтальное столкновение России с Европой по поводу операции российских военных в Чечне — все эти события свидетельствовали о значительном ужесточении геополитического и геоэкономического положения нашей страны, которая фактически снова ока-

залась вынуждена взаимодействовать с укрепившей свою организованность и цельность Pax Atlantica.

“Многополярный момент” (см.: 8) 1995 — 1999 гг. для России, на мой взгляд, был периодом, когда наше общество обладало наибольшими шансами для того, чтобы, преодолев внутренние идеологические разногласия, добиться устранения авторитарных черт действующего режима и сформулировать подлинно национальный интерес государства, ориентирующий его политику в нужном для себя направлении при постоянном балансировании между консервативной (“государственнической”) и либеральной (“общественнической”) позициями. Теперь, когда “многополярный момент” миновал, Россия оказывается в нескольких шагах от желаемой Бжезинским ситуации выбора между вхождением в западное сообщество на второстепенных ролях или частичной изоляцией. Понятно, что при таком положении вещей процесс согласования интересов и принципов в нашем обществе очень усложняется. Возникает понятный соблазн при любом решительном ответе на поставленную дилемму устранить с политической сцены всех несогласных, оправдываясь тем, что, придя к власти в результате очередных выборов, оппоненты развернут государственный корабль в противоположную сторону и таким образом лишат российских граждан любых дивидендов от уже совершенного геополитического выбора.

Вернемся к нынешней политической ситуации в России. Нынешнее сплочение крайних флангов политической элиты — от публицистов газеты “Завтра” до лидеров “Союза правых сил” — вокруг одного кандидата в президенты на первый взгляд вступает в противоречие с прогнозируемым мною обострением идеологических разногласий в обществе. Однако само тяготение формирующегося на глазах режима к авторитарному решению сложных проблем без опоры, как правильно подчеркнул здесь И.Климов, на “ресурс общественного согласия” подтверждает сделанный мною вывод. Нынешний режим, ожидающий своего окончательного утверждения в марте 2000 г., пока позволяет всем заинтересованным в усилении авторитаризма силам надеяться на свое с ним идеологическое родство. Он заигрывает и с коммунистами, и с так наз. правыми (которыми в России именуют не столько выразителей интересов имущих классов или истеблишмента, сколько радикаль-

ных западников), занимая у них необходимую для своего укрепления авторитарную энергию и обещая расплатиться по идеологическим счетам в будущем при раскрытии своего истинного лица. Мне кажется, что мы присутствуем *при формировании авторитарного режима с отложенным идеологическим статусом*, но ни в коем случае не безыдейного авторитаризма с бессознательно центристскими установками. Новый режим будет, на мой взгляд, направлять свои удары именно против центра, против всегда чреватой подозрениями в оппортунизме компромиссной стратегии, против любых поисков согласия. Ему будет выгодно не сглаживать, а заострять противоречия в обществе, таким образом (я согласен с Г.Мусихиным) действительно

препятствуя формированию национального интереса, заслоняя его государственным расчетом и, как демонстрируют последние события в Чечне, расчетом не всегда дальновидным и взвешенным. В какой-то мере формирующийся на глазах режим — продукт ухудшившейся для России международной обстановки и временной неспособности власти работать в некомфортных условиях адекватную внешнюю и внутреннюю стратегию. Но если посмотреть в другом ракурсе, он является отражением незрелости политической культуры нашего общества, не сумевшей предохранить то намечавшееся согласие российской политической элиты, которое возникало при совместном поиске ответа на вопрос: *“Что есть национальный интерес?”*

1. Межуев Б.В. Понятие “национальный интерес” в российской общественно-политической мысли. — “*Полис*”, 1997, № 1.
2. См.: Козырев А.В. *Стратегия партнерства. — Внешняя политика и безопасность современной России (1991 — 1998). Хрестоматия в двух томах.* Т. I. Книга I. М., 1999, с.156.
3. Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы.* М., 1999, с.222.
4. Сорокин К.Э. Россия и многополярность: время обнимать, и время уклоняться от объятий. — “*Полис*”, 1994, № 1.
5. Максимычев И.Ф. Россия как составная часть общеевропейского цивилизационного пространства. — *Внешняя политика и*

- безопасность современной России (1991-1998). Хрестоматия в двух томах.* Т.I. Книга II. М, 1999.
6. Лукин В.П. Мы оказались в очень плохой геополитической ситуации. — “*Независимая газета*”, 14.III.1995.
7. Кандель П. Постъельцинская Россия в постъюгославском мире. — “*Pro et Contra*”, 1999, т. 4, № 2, с.169.
8. Выражение образовано по аналогии с уже принятым в политологии обозначением выступления международной коалиции сил против Ирака 1990 — 1991 гг. как “*униполярного момента*” (the unipolar moment). См., напр.: Huntington S. The Lonely Superpower. — “*Foreign Affairs*”, 1999, vol. 78, № 2, p.37.